

# **ЮРИДИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ И МЕНТАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ (ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)**

**Н.А. Мишанкина, Ж.А. Рожнёва**

Значительные исторические события, связанные со сменой государственного строя, изменением социальной иерархии общества, резко меняющие традиционное течение жизни, неизбежно ведут к трансформации привычных способов осмысления и, соответственно, оформления реальности, в том числе и посредством текстов. Наиболее показательными в этом аспекте являются тексты документов, фиксирующие как внешние, социальные изменения, так и внутренние, ментальные. Чаще всего это отражается в смене наименований, смене способов документирования, изменении регламентов оформления и т. п. В этом смысле нарративные источники советского периода, фиксирующие новую социально-политическую и культурную ситуацию, являются богатным материалом для исследования изменений в картине мира русского человека.

Понятие картины мира, будучи введенным в науку Л. Витгенштейном [1], получило широкое распространение и достаточно активно разрабатывается в различных гуманитарных областях. Одним из наиболее продуктивных и адекватных способов исследования этого феномена, в том числе в диахронном аспекте, является анализ текстов, воплощающих определенную модель восприятия действительности. При этом особенный интерес представляют различные виды «повседневных» дискурсов, ориентированных не на представление индивидуально-авторского видения мира, а напротив, реализующих характерные черты общенациональной модели. Мы полагаем, что обращение к советскому юридическому документу, документу, отражающему на разных уровнях (формально-структурном, содержательном) смену социальных и ментальных ориентиров общества, может дать результаты, представляющие научный интерес для всех наук гуманитарного цикла.

Состав комплекса юридической документации достаточно широк, и практически каждый документ в нем заслуживает особого внимания. Однако наиболее перспективными для изучения заявленной темы, на

наш взгляд, являются судебные приговоры. Данные документы хронологически охватывают весь период существования советской власти, но с точки зрения смены ментальных ориентиров общества наибольший интерес на первом этапе исследования представляют документы 1920-х годов – времени, связанного с резким изменением прежнего образа жизни и мышления.

Советская судебная система, начавшая формироваться практически сразу после Октябрьского переворота, включала суды нескольких уровней, особое место среди которых занимали революционные трибуналы и пришедшие им на смену губернские (окружные) суды. Эти судебные органы рассматривали дела о серьезных преступлениях, прежде всего контрреволюционных и против порядка управления. Именно такая структура их подсудности побудила нас обратиться к документам этих судебных органов, поскольку при рассмотрении подобных дел наиболее ярко проявлялось новое видение мира. В нашей работе использовались судебные приговоры из фондов Томского, Алтайского, Новосибирского губернских ревтрибуналов и судов.

Судебный приговор как особый юридический документ имеет достаточно четкую регламентированную структуру и создается по особым жанровым канонам, которые подразумевают специфичную композицию, включающую обязательные фрагменты – жанровые, хронологические и т. п. маркеры, особый стиль языка, относящийся к сфере официально-деловой речи и изобилующий «юридическими» клише.

В структуре приговора можно выделить следующие формальные части:

- заголовок с указанием, от чьего имени действует суд;
- подзаголовок, в котором отражается информация о названии, времени, месторасположении, составе суда, порядке судебного слушания;
- преамбула, в которой указываются номер рассматриваемого дела, фамилии, имена и отчества подсудимых, их характеристики, номер статьи УК или краткая формула обвинения;
- основная часть, в которой описываются обстоятельства преступления и приводится аргументация виновности подсудимых;
- итоговая часть, содержащая вынесенный судом приговор;
- подписи судьи, народных заседателей и секретаря.

Такую структуру судебного приговора в целом можно назвать традиционной, она существовала ранее и воспроизводится в современных документах такого рода.

Тем не менее в документах 20-х годов можно выделить ряд особенностей. Например, при указании даты примерно до 1927 г. Использо-

лась более архаичная по отношению к современной форма, где информация о времени инверсирована: на первом месте стоит год, затем месяц и последний элемент – день месяца (*1924 года, ноября, 2-го дня*). Такой способ датировки бытовал в царской России и, как видим, сначала сохранялся и новой властью. С 1927 г. вводится новый порядок датировки (число, месяц, год), который используется и в современных судебных приговорах.

В документах 20-х годов отмечена разница в характере оформления подписей, в большинстве документов не указывались детально все атрибуты должности и не писались инициалы: *председательствующий Глушков, и.о. прокурора Захаров*. Можно предположить, что таким образом выражается снятие индивидуальных качеств, подчеркивается отсутствие индивидуальных показателей – имени. Фиксируется только фамилия – указывающая на принадлежность к роду или этносу.

Интересна и следующая деталь: при переходе к изложению сути дела в разные периоды использовались разные слова, маркирующие переход к основной части: 1924 г. – *суд... НАШЕЛ, что...*; 1926 г. – *суд... ПОСТАНОВИЛ, что...* Глаголы, маркирующие переход к основной, аргументирующей части, имеют значительное различие в семантике: если первый глагол (*найти*) включает в себя семантический компонент **поиск**, то глагол *постановить* не имеет этого компонента. Логически мы можем предположить, что суд постановил на основании проведенного расследования, но само исключение смысла поиска является показательным.

Но, конечно же, основную специфику представляет собой содержательный аспект документа. В этом плане особый интерес вызывает способ изложения – моделирование ситуации, оцениваемой как противоправная. И, конечно же, система аргументации, мотивирующая детали порождаемой модели. Следует учесть в данном случае, что юридические документы такого характера ориентированы именно на убедительность выстраиваемой модели, поскольку в случае, если она недостаточно убедительна, возможна отмена приговора или передача дела на дознание. Поэтому особого внимания заслуживают именно способы аргументации, те мотивы, которые считаются достаточными для убедительности в противоправности действия.

Стиль изложения сути дела оказывается отличным от современных юридических клише, он менее официален, близок к разговорному. Например: *в свое оправдание объяснил* при современном *пояснил*, *местный гражданин* при современном *гражданин, проживающий в...*, *из опасения Советских властей* при современном *из опасения преследования со стороны...* Описания преступных с точки зрения суда дей-

ствий наполнялись экспрессивно окрашенной лексикой (???): *вдохновляемые капитализмом и общей ненавистью к рабочему классу, имея к нему личную злобу как к общественному работнику, измышляя и распространяя в контрреволюционных целях ложные слухи, заведомо зная о конечных целях указанного отряда, направленных к свержению образа управления установленного властью крестьян и рабочих...*

При характеристике обвиняемых в большей части документов указывается не только имя, возраст и место проживания, семейное положение и наличие судимости, но и его социальный и имущественный статус, а также политическая ориентация. Причем эта информация становилась важной частью аргументации и, в конечном счете, влияла на сам приговор. Дружественное социальное происхождение и политическая ориентация сами по себе являлись достаточным аргументом для отмены наказания (*осужденному Безгонову ввиду его невежества и как труженика хлебороба на осн. 36 ст. УК наложенное наказание 3 г. считать условным*). И, напротив, для его ужесточения: *принимая во внимание то обстоятельство, что осужденный как сам так и деяние его как в момент совершения преступления, так и в данное время являются социально опасными – что рабочий класс еще на закончил борьбы с буржуазией, что он осужденный при совершении преступления отстаивал интересы последней, что он не раскаялся перед пролетариатом в совершенном им деянии до последнего момента, что у Суда нет гарантий на лояльность его к существующей Власти и сейчас, Суд считает справедливым и целесообразным примечание 2-го п. Ст. 33 У.к. к нему, осужденному ОСМИНИНУ не применять.*

Интересен и такой момент. Во многих документах слова *суд, власть* (обязательно советская) пишутся с заглавной буквы, что подчеркивает их некоторый мистический статус (ср. Страшный Суд).

Таким образом, в содержании судебных приговоров большое значение имеют характеристики подсудимых, описание преступления, итоговые формулировки приговора. Их текстологический анализ позволяет выявить особенности картины мира «авторов» приговоров. При этом особый интерес представляет оценка их «революционного правосознания», поскольку в советской судебной системе оно являлось знаковым атрибутом судебной процедуры и предопределяло вынесение справедливого приговора.

Уже первичный анализ приговоров и обвинительных заключений позволяет выявить основные черты картины мира того времени:

– Наличие ярко выраженной социальной модальности официального текста, которая позволяет говорить о смене логики юридического

документа – вместо логики доказывания, аргументации – социальные мотивации, связанные в конечном итоге с карнавальным архетипом.

– Тотальная мифологизация сознания, выражающаяся, например, в нивелировании индивидуальных различий (отказ от имени), а также в именовании светской процедуры с заглавной буквы и т.д.

Однако специфика юридических документов, относящихся к массовым источникам, требует дополнения семантического анализа количественным. Создание электронной базы данных подобных текстов и их обработка с помощью адекватных количественных методов позволят выявить более скрытые пласты информации, например степень категоричности авторов документов, степень эксклюзивности и другие немаловажные категории. Возможно также выявление доминирующих когнитивных моделей, связанных с представлением о гражданстве, государстве, типе идеального гражданина и идеального гражданского поведения. В целом использование количественных методов при обработке данных источников позволит по-иному взглянуть как на событийную канву, так и на динамику ментальности в тот сложный исторический период.